

Этот хорошо известный еще в XVI в. способ доказательства гелиоцентрической идеи путем измерений параллаксов визуально близких звезд, призванный доказать правоту Коперника, Галилей со свойственной ему легкостью умозрительного экспериментатора подробно описывает в «Диалоге о двух системах мира». Именно таким способом Струве и Бессель впервые, только уже в XIX в., смогли определить расстояния до ближайших звезд. Особо зоркий натренированный глаз также может увидеть больше объектов, но, учитывая достаточную слабость многих из них, здесь должна быть использована оптика. Причем достаточно оптики самой элементарной в сочетании с высочайшим качеством механики инструментов Тихо Браге.

Социальная история отечественной науки и техники

В. А. ГУРКИН

ПАЛЛАС И ЛЕПЕХИН В СИМБИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Екатерина II оказывала постоянно значительную поддержку российской науке, выступая не только как просвещенный меценат, но и предлагая Академии наук проведение исследований в том или ином направлении. Среди множества ее проектов особенно масштабным является проект организации в 1768 г. академических экспедиций в Оренбургскую и Астраханскую губернии, в результате которых впервые были получены научные сведения о многих уголках России ¹. Бытует мнение, что Екатерина отдала распоряжение о снаряжении «физических» экспедиций под влиянием европейских ученых, которые хотели использовать грандиозную территорию Российской империи для проведения вычислений солнечного параллакса при прохождении Венеры через диск Солнца в июле 1769 г. (тем самым предоставлялась возможность более точно определить расстояние между Землей и Солнцем). Однако необходимо отметить, что идея комплексного исследования страны ² была близка Екатерине, она активно интересовалась устройством и богатствами собственной империи. После завершения своего путешествия по Волге от Твери до Симбирска (в 1767 г.) она пишет записку директору Академии наук В. Г. Орлову об организации экспедиций. В результате, наряду с шестью «астрономическими» отрядами по наблюдению Венеры, были сформированы пять «физических экспедиций»: две в Астраханскую губернию – отряды академиков С.-Г. Гмелина и И. А. Гильденштедта; три в Оренбургскую – под руководством академиков И. И. Лепехина, П. С. Палласа, И. П. Фалька, которым предстояло исследовать Среднее Поволжье, Урал и Сибирь. Эти исследования продолжались в течение шести лет и дали огромное количество материала в области географии и геологии, ботаники и зоологии, этнографии и истории большей части

¹ См.: Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. М.: Л., 1940. С. 95–97.

² Ученые всесторонне должны были исследовать местность, ибо «предписано было делать точное исследование: 1. О естестве почвы и вод; 2. О средствах возделывания стран степных; 3. О тогдашнем состоянии земледелия; 4. Об обыкновенных болезнях у людей и скота и о средствах исцелять и предупреждать оныя; 5. О содержании скота, особливо овец, также пчел и шелковых червей; 6. О рыбном и зверином промысле; 7. О минералах, и водах минеральных; 8. О искусствах, ремеслах и др. предметах промышленных; 9. Стараться открывать достопримечательные растения; 10. Заниматься проверкою положения мест, наблюдениями географическими и метеорологическими; собирать все, что касается нравов, разных обычаев, языков, преданий, древностей; вообще замечать с точностью все, что найдут примечания достойного по всем предметам». (См.: Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1818. Т. 1. С. I–II.)

П. С. Паллас

страны. Для изучения природы Симбирского Поволжья наиболее важными оказались исследования Лепехина и Палласа, они не только проехали эту территорию, но и остались в 1768–1769 гг. там на зимовку. Тогда как Фальк по причине болезни так и не смог выехать в 1768 г. из Москвы и лишь в мае 1769 г. встретился с участниками первых двух отрядов в селе Новодевичьем. Несмотря на то что с момента первых академических экспедиций прошло более двух веков, тем не менее в этом районе на основе их данных не было проведено мониторинга фауны и флоры. Отчасти это можно объяснить труднодоступностью материалов экспедиций, ставших уже давно библиографической редкостью.

Петр Симон Паллас (1741–1811) – ученый-энциклопедист, родился в Берлине в семье врача, профессора анатомии. Получил образование в Галле, Лондоне, Гааге, где специализировался в области зоологии. В декабре 1766 г. был избран в качестве академика и профессора натуральной истории Пе-

тербургской Императорской академии наук. В 1768 г. он возглавил 1-й отряд Оренбургской экспедиции, в его состав входили: капитан Н. П. Рычков, гимназисты Н. П. Соколов, В. Ф. Зуев (которые потом стали академиками) и Антон Вальтер, рисовальщик Николай Дмитриев и чучельник Павел Шумский. Отряд выехал из Петербурга 21 июля 1768 г. Маршрут его проходил в первый год по городам: Москва – Владимир – Касимов – Муром – Арзамас – Пенза – Ставрополь – Симбирск³. Затем были многие города и села Нижнего Поволжья, Урала, Сибири, так что в Петербург Паллас вернулся лишь 30 июля 1774 г. Результатом экспедиции были многочисленные сочинения по ботанике, зоологии, но прежде всего по географии, которые были опубликованы на латинском, немецком и русском языках в Петербурге, а затем были переводы на английский – в Эдинбурге и в Лондоне, на французский – в Париже. Богатейшие собрания по флоре, фауне, палеонтологии и этнографии вошли в фонд академической Кунсткамеры.

Иван Иванович Лепехин (1740–1802) – известный русский путешественник-натуралист, академик Петербургской и неприменный секретарь Российской академии, родился в Петербурге, в семье отставного солдата лейб-гвардии Семенов-

³ Материалы этого этапа экспедиции вошли в первый том его описания: *Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи: В 3 ч. Пер. с нем.* СПб.: Имп. АН, 1773–1788; Ч. 1: Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768–1769 году. СПб., 1773.

ского полка Ивана Сидоровича Лепехина 4. После окончания Академической гимназии он обучался за границей в Страсбургском университете (1762–1767 гг.) и вернувшись был избран в адъюнкты Петербургской академии наук. Назначен руководителем 2-го отряда Оренбургских «физических» экспедиций. В состав лепехинского отряда входили гимназисты: Андрей Лебедев, Тимофей Мальгин, Николай Яковлевич Озерецковский (впоследствии академик), рисовальщик Михаил Шалауров и чучельник Филипп Федотьев. Отряд И. И. Лепехина выехал из Петербурга 8 июля 1768 г. Маршрут экспедиции Лепехина в 1768 г.: Москва – Владимир – Муром – Арзамас – Курмыш – Алатырь – Симбирск – Черемшанская крепость – р. Сок – Симбирск 5.

И. И. Лепехин

По первоначальному плану, составленному Палласом в мае 1768 г., предполагалось, что обе экспедиции проведут зиму в Царицыне или Гурьеве 6, однако остановились они на зимовку в Симбирске. Главной причиной послужило то, что, во-первых, территория, которую предстояло исследовать, оказалась в информационном отношении значительно более объемной, чем представлялось из Петербурга, это потребовало больше времени для исследований; во-вторых, находясь к началу холодов на территории Симбирской провинции, они могли рассчитывать на более-менее сносную связь со столицей лишь через провинциальную канцелярию 7. Поэтому Паллас и принимает такое решение, и приглашает Лепехина в отличие

4 Интересно, что отец Лепехина мог быть из симбирских служилых людей, что явствует из документа о принятии И. И. Лепехина в Академическую гимназию: «Недоросля Ивана Лепехина, который в герольдмейстерской конторе явился ко второму смотру и сказкою показал: от роду ему десять лет, не из дворян, солдатский сын, грамоте российской и писать обучен; крестьян за ним нет, а имеет отец его в Симбирском уезде поместной земли двадцать четвертей, определить в десанс академию в ученики». (См.: Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1876. Вып. 2. С. 160.)

5 Из опубликованных материалов экспедиции И. И. Лепехина, относящихся к указанной территории см.: *Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства*. 4 ч. 1771–1805 гг.; Ч. I. 1768 и 1769 гг., 23 грав. таблицы. 537 с. Второе издание – 1793 г. Третье (последнее) было осуществлено в 1821 г.: Полное собрание ученых путешествий. СПб., 1821. Т. III. (в этом томе имеется краткая биография Лепехина). Изданные в третий раз записки Лепехина были отредактированы. По заявлению редакторов, во-первых, они разделены на главы (а у Лепехина их не было) и, во-вторых, исправлены некоторые «обветшавшие» выражения.

6 *Окрокверцхова И. А. Путешествие Палласа по России*. Саратов, 1962. С. 62.

7 Здесь они могли получить и свою заработную плату. Паллас в рапорте писал: «23 декабря я забрал из здешней провинциальной канцелярии оставшееся для выплаты мне и моим людям полугодовое академическое жалованье в сумме 651 руб. 72 коп. Из прогонных денег я взял в этом году 200 руб. во Владимирской и совсем недавно 200 руб. в Симбирской провинциальной канцелярии». (См.: *Паллас*. Рапорт № 8 в Академию наук 28 декабря 1768 г. // Научное наследие П. С. Палласа. Письма 1768–1771 гг. / Сост. В. И. Осипов. СПб., 1993. С. 40.)

*П. С. Паллас (слева) и И. И. Лепехин.
Силуэты работы художника Ф. Антинга
(1784 г.)*

долгой зимы 1768–1769 гг. И в то же время они представляли собой совершенно иные миры: один – сын известного берлинского профессора-хирурга, учившийся в Берлине, Галле, Гааге, Лондоне; другой – русский, сын солдата, отданный с 10 лет в ученики Академической гимназии. Один был уже признан в Европе в качестве блестящего ученого, стремился сделать научную карьеру, совершить большое путешествие по неизведанным странам; другой вернулся на родину после нескольких лет учебы за границей с жадным желанием оказаться полезным своему Отечеству. Насколько различно было их мировоззрение, их цели и планы, настолько по-разному они воспринимали и свое пребывание в этом провинциальном городе. Даже въехали они в Симбирск по-разному и с разным настроением.

Из рапорта Палласа:

Уже в последнем рапорте из Пензы я был вынужден посетовать на плохую погоду и ранние холода, однако с тех пор у меня появились еще более веские основания для жалоб. Все мое путешествие из Пензы, откуда я уехал 15 сентября, до Симбирска, куда по причине плохой дороги и ветхости моих экипажей я смог попасть только 22 сентября, оказалось крайне неприятным из-за непогоды, когда мороз чередовался со снегом, бурей и дождем [...] Внезапно начавшийся затем дождь, смешанный со снегом, сделал путешествие еще нестерпимее. Непогода и выпавший повсюду глубокий снег также явились причиной того, что в пути я не смог сделать много наблюдений⁸.

⁸ Лепехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства // Полное собрание ученых путешествий... С. 256.

⁹ Паллас. Рапорт № 6 в Академию наук 10 ноября 1768 г. // Научное наследие Палласа... С. 41–42.

Лепехин же приехал в Симбирск теплым августовским вечером, и его первые впечатления от города сопровождаются такими эпитетами, как «великолепный вид», «лучше выстроен» по сравнению с другими городами и т. д., кроме того, в отличие от Палласа, Лепехин в своих записках дает характеристику городу в целом:

Симбирск принадлежит к Казанской губернии и составляет провинциальной город. Симбирская провинция весьма пространна и имеет многие приписные города, как то Самару, Сызрань, Петровск, Алексеевск, Корсунь со многими другими крепостями и пригородками.

Самый город Симбирск стоит на западном берегу реки Волги между двумя реками. С восточной стороны протекает река Волга, к которой тут подошло весьма широкое плесо: ибо в поперешнике своему мерная две версты имеет. Западную часть города обтекает река Свияга.

Возвышенное место, на котором построен город, имеет великолепный вид, а особливо для высоких церковных колоколен, которых находится четырнадцать каменных и одна деревянная, в том числе два монастыря, один мужеский, а другой женский. Его можно разделить на две части, на горную и подгорную. Подгорная построена при самой Волжской пади, а нагорная к Свияге; однако и нижнюю часть города никогда вода не понимает. Впрочем, город сей пред другими городами, которые нам от Москвы проезжать случилось, гораздо лучше выстроен. В нем есть несколько гражданских каменных дворов. Купечество Симбирское для протекающей Волги многая имеет выгоды; оно может отсылать свои товары по одной реке и вниз и вверх. Город Симбирск пред другими городами может хвалиться и яблонными садами, которых как в самом городе, так и около онаго великое множество: один только там недостаток, что подошли степные и безлесные места, и строельный лес должно получать сверху по Волге ¹⁰.

Оба исследователя стараются использовать любую возможность, чтобы производить плодотворные наблюдения. Так, Паллас, как только устанавливается хорошая погода, вновь отправляется в дорогу к член-корреспонденту Академии наук П. И. Рычкову, известному исследователю природы и истории Оренбургской губернии, чтобы получить свежие новости о местности, которую ему предстоит обследовать:

Так как вскоре после моего приезда в Симбирск опять установилась хорошая погода, то я решился еще в этом году совершить небольшую поездку по Ставропольской провинции в Самару. Дабы наше путешествие принесло в будущем пользу, я счел крайне необходимым встретиться с г. статским советником фон Рычковым и посоветоваться с ним как с человеком, превосходно знающим Оренбургскую губернию, тем более что расстояние было не очень велико. Посему я направился прямо из Симбирска в Спасское село ¹¹, где обычно останавливается господин статский советник. Добрый и дружеский прием, который мне был оказан у этого почтенного человека, достоин всяческих похвал, но я должен также засвидетельствовать, что при общении с ним у меня возникло немало дельных соображений относительно моего будущего путешествия. От Симбирска до Спасского я ехал без остановки день и ночь, отчасти благодаря вновь установившейся сейчас зимней погоде, отчасти по-

¹⁰ Лепехин. Дневные записки путешествия... С. 125–126.

¹¹ [Село Спасское находится в 10 км к юго-востоку от Бутульмы.]

тому, что этот участок уже объехал г. доктор Лепехин, отчасти же по той причине, что равнинные и в большинстве своем распаханные земли на Черемшане не сулят, как кажется, больших перспектив¹².

Но на обратном пути его опять поджидает неудача с погодой:

Несносная погода вынудила меня спешно выехать отсюда в Сергиевск и далее проследовать без остановок в Ставрополь, где я задержался всего на один день. Я хотел переправиться через Волгу немного ниже Ставрополя у Маркваша и по той стороне проехать вверх к Симбирску, однако сильный ледоход сделал невозможной здесь переправу на маленьких лодках. К тому же мой запущенный геморрой, дававший о себе знать уже в Симбирске, из-за холода и езды так обострился, что в пору было приискать спокойное пристанище. Я проделал весь путь, имея всего несколько кибиток и лошадей, поскольку всех лишних людей из моего сопровождения оставил в Симбирске, куда вернулся 22 октября. Еще раньше я имел договоренность с г. доктором Лепехиным относительно того, чтобы там перезимовать: ведь эти места нужно было обследовать вплоть до Сызрани, а в нынешнем году из-за плохой погоды сделать это толково уже не представлялось возможным. Но в том, что настоящие места богаты окаменелостями и иными достопримечательностями, прославленная Академия сможет убедиться, осмотрев окаменелости, собранные мною в окрестностях Симбирска¹³.

Любопытно, что Паллас в своих отчетах почти ничего не пишет о самом городе, кроме того, что это место богато окаменелостями. Впрочем, в одном малоизвестном письме на имя директора Академии наук графа В. Г. Орлова, он все-таки дает небольшую, но яркую характеристику своим переживаниям, а также Симбирску и его обитателям: «...Мысль, что Ваше Сиятельство меня покровительствуете и надежда сохранить это высокое покровительство, составляет единственную опору, меня поддерживающую в том унынии, в которое меня погружает неимение друга, удаление от отечества, молчание Академии и наипаче в таком городе, где, кажется, любят крючкотворство и с удовольствием беспокоят иностранцев»¹⁴.

Если Паллас в своих отчетах старается передать прежде всего информационную сторону исследования, отступая от изложения лишь для того, чтобы подчеркнуть неудобства своего путешествия, то в текстах Лепехина мы видим не только отчет исследователя, но и взгляд художника, воспринимающего окружающую природу как некое живое существо. Даже препятствия путешествия из-за непогоды приобретают в лепехинском описании характер сказочности: «Обуреваемая Волга заставила нас ночевать на берегу, и на другой день не прежде могли переправиться, как по полудни; да и то не без опасности»¹⁵. Опасности, встречающиеся по дороге, описываются им легко и с чувством юмора: «Ясная погода и приятность леса далеко завели нас от берега; но наставшая вдруг буря с дождевыми облаками принудила убираться на свое суденышко. Обход был не близок: и так, спеша укрыться от дождя, хотели спус-

¹² Паллас. Рапорт № 6 в Академию наук 10 ноября 1768 г... С. 43.

¹³ Там же. С. 49.

¹⁴ Языков П. Обзорение истории геогнозии Симбирской губернии // Симбирские губернские ведомости. 1850. № 2.

¹⁵ Лепехин. Дневные записки путешествия... С. 260.

титься прямо на берег. Обрывчивая земля не допустила долго лепиться и научила летать; но не кверху, а книзу. Дорога была не очень далека, но шероховата, и глыбы земли провожали меня до самого подола горы»¹⁶.

Маршрут Палласа во многом совпадал с маршрутом Лепехина, и неудивительно, что время от времени мы встречаем свидетельства конкуренции и научных споров. Один из таких случаев связан с открытием отрядом Палласа горючего сланца под Симбирском, который был принят за каменный уголь. Вот что он пишет по этому поводу:

Утром 17 ноября прошлого месяца состоящий при моей экспедиции чучельник Павел Шумской был послан мною за некоторыми рыбами и другой водной живностью к одному небольшому озеру, находящемуся под самой горой, на которой стоит город Симбирск. У подошвы Симбирской горы, в песчаной долине, бывшей некогда древним руслом реки, а теперь называемой Старая Волга, и большую часть года обезвоженной, ему посчастливилось открыть немалое количество прекрасного сланцевого каменного угля, выбрасываемого Волгой во время весеннего паводка. Тем самым у меня появился повод для изучения указанного места, лежащего выше по течению Волги, откуда происходит этот уголь.

Затем тот же Павел Шумской, возвращаясь недавно из Казани, куда я послал его 2 декабря с целью раздобыть кое-каких животных, верстах в 20 строго к северу от города (на правом берегу реки), нашел и открыл угольный пласт в горе, на которой расположена деревня Городище, принадлежащая г. полковнику Василию Борисовичу Толстому. Гора в этом месте круто обрывается к реке, обнажая свои слои. Во время половодья Волга вымывает из пласта все сланцевые угли, которые лежат россыпью по берегу вплоть до Симбирска и ниже.

Этот пласт проходит по большому участку берега через широко раскинувшийся холм, соединяющийся на юге и юго-западе с другими холмами; его высота по вертикали в самой возвышенной части северного выступа, вероятно, несколько более 20 саженей. О мощности пласта сейчас судить невозможно из-за лежащего снега и земли, что обрушилась сверху и теперь сильно смерзлась. Но можно предположить, что он достигает уровня реки или идет еще ниже и на глубине облагораживается. Протяженность пласта столь значительна, что его не исчерпать при непрерывной разработке в течение многих лет. К тому же в теплое время года уголь становится необыкновенно легким, и его можно добывать простой мотыгой и лопатой. Что же касается транспортировки, то более удобного пласта найти невозможно.

Над угольным пластом на высоте едва достигающей трех, самое большее пяти-шести саженей, как правило, лежит смешанный суглинистый грунт. Верхний слой или крыша пласта – это уже весьма хорошо горящий каменный уголь, хотя и с вкраплением множества отпечатков мелких юрских тел, таких, как аммониты, орбикулиты, пектунктелиты и т. п. В целом слой представляет собой твердое и очень богатое горючим веществом образование, которое никак нельзя сравнивать с теми битуминозными сланцами, что открыл г. статский советник Рычков у татарской деревни Тойкино на речке Мелланса. Я велел испробовать этот уголь в кузнице и нашел его превосходным. Он легко горит, давая большой жар и пламя, как шотландский уголь, и тоже сгорает до серой золы, иногда с ржавым налетом, но не до шлака, как английский; зола эта, подобно углю, распадается слоями. При горении уголь

¹⁶ Лепехин. Дневные записки путешествия... С. 373–374.

Берег Волги в районе села Городищи (Ульяновская область)

выделяет, скажем прямо, неприятный запах, который весьма напоминает запах Gummi anime, когда ее бросают в огонь. Очень быстро воспламеняется он и от свечи. Случайным образом я также открыл, что его можно употреблять в живописи в качестве умбры для [приготовления] масляных красок. Более подробное описание пласта и местности можно будет сделать весной.

При сем я посылаю, однако, ящикек с образцами этого угля, в котором самые верхние экземпляры – из числа тех, что достигают с пластом Симбирска и имеют сглаженные углы; нижний же образец добыт у деревни Городище из самого пласта, а именно из его верхнего слоя. Первые, видимо, более близки к антрациту и потому, вероятно, скорее всего происходят из глубинных слоев. Я полагаю, что открытие этого каменного угля, находящегося в горе, о котором ничего не знал даже ее владелец, может иметь исключительно важное значение и принести пользу всем волжским городам, особенно же тем, что лежат ниже Казани, ибо там из года в год все сильнее сказывается нехватка дров. И мне доставляет большое удовольствие назвать Академии первооткрывателя (Речь идет о чучельнике П. Шумском. – В. Г.) этого полезного ископаемого. Впрочем, он и без того заслуживает похвалы за свое усердие и проявленную добрую волю. Получив от меня наставления, он теперь стал еще и весьма хорошим рудознатцем¹⁷.

Современному читателю трудно без улыбки читать следующие места из рапортов Палласа, где он опасается, как бы его приоритет по открытию

¹⁷ Паллас. Рапорт № 7 в Академию наук от 7 декабря 1768 г. ... С. 55–57.

«каменного угля» не был приписан Лепехину, также отославшему в Академию наук образцы подобной породы (которые он нашел на берегу Волги в районе Зольного перевоза ¹⁸):

Вскоре после отсылки моего последнего рапорта № 7, к которому я приложил образец каменного угля, или, вернее, угольного сланца, обнаруженного моей экспедицией на Волге, я, к немалому моему удивлению, совершенно случайно узнал, что г. доктор Лепехин, для которого начиная уже с 17 ноября я не делал из всего этого открытия тайны, тоже совершил поездку в Городище и взял с собой из самого верхнего пласта некоторое количество угля. Все это — не знаю, почему — держалось в полном от меня секрете, откуда я, отправляя в Самару письмо, не услышал в канцелярии, что господин доктор выслал в Академию ящичек с этим углем. Затем путем дальнейших расспросов я выведал остальное. Признаюсь, что при всем том я не могу выяснить намерений господина доктора и не могу понять его замысла. Не думаю, чтобы он возымел дерзость приписать себе открытие. По крайней мере, я уповаю в этом случае на справедливый суд Академии и посему совершенно спокоен. Однако я не мог о сем умолчать, дабы Императорская Академия не пребывала в недоумении, каковое, должно быть, вызовет двойная посылка.

При проведении некоторых дальнейших изысканий у меня появились основания предполагать, что слой угля, очевидно, простирается вверх по Волге хотя и с перерывами, но дальше, чем я думал. Ибо следы каменного угля я обнаружил также и у Тетюшей. Уголь этот, по-видимому, такого же хорошего сорта, что и собранный у Симбирска на Старой Волге, который, вероятно, происходит из более глубоких и лучших слоев городищенского пласта. Я даже думаю, что и под северной частью Симбирской горы должен залегать сланцевый уголь или же битуминозный сланец, поскольку у ее подошвы и на самой Волге, приблизительно в нескольких верстах к северу от города, находят черную жирную и твердую глину, весьма насыщенную пиритом. Она вся наполнена колчеданом и колчеданными роговыми аммонитами и, по-видимому, простирается далеко ниже уровня реки. Летом все это можно было бы исследовать более тщательно ¹⁹.

Лепехин не разделяет восторгов Палласа по поводу высокого качества каменного угля в Ундоровских горах, указывая справедливо, что это, конечно, не каменный уголь, а значит не может служить заменителем дров в Поволжье, хотя и имеет свои достоинства:

Самые слои горючего сланца также между собою разделены синеватою слоистой и цветом на сланец похожею глиною, в которой большие кругляки лежали темно-красного и белого колчедана. Все слои, вместе взятые, в толщину составляли около пяти сажень; но сия толщина не везде одинакая... Копать более ни времени, ни сил наших не было. Дана нитка, пусть добиваются до клубка и ищут в сем месте настоящего каменного угля. Рождение сланца

¹⁸ Т. е. севернее села Городище, ближе к Тетюшам, о чем следует запись из его дневника: «13 декабря, когда все уже было покрыто снегом, отправились мы на Волжское урочище, Зольной перевоз называемое, отстоящее от Симбирска в 50 верстах, где в тогдашнее время ломали камень на строение, но труд наш был тщетен: ибо ничего такого не нашли, чтобы достойно было любопытства. По чему на другой день чрез пригородок Майну по луговому берегу реки Волги возвратились в Симбирск». (См.: *Лепехин. Дневные записки путешествия...* С. 286.)

¹⁹ *Паллас. Рапорт № 8 в Академию наук от 28 декабря 1768 г. ...* С. 58–59.

из ила в сем месте весьма ясно видеть можно было. Просядающая между слоями глина, сланцу во всем, кроме твердости, подобная, гласящим была знаком своего отродья. Не менее сего истинну показывали и грудками попадающиеся как в самом сланце, так и в глине окаменелые черепокожные, которые не иначе могли туда зайти, как во время жидкости ила.

Разсматривая пристально причины, произведшая возгораемое начало в сланце, ничего такого не нашли, откуда некоторые оное производят. Тут не было никаких знаков погребенного леса или турфа; но единственно изобиловал колчедан, которого возгораемое начало смесь с водою, землею и купорсною кислотою произвело горную смолу, напоившую сланец. Просядающая местами жилки железной руды, так как остатки бывшей в колчедане перемены, явно нашу догадку подтверждают. Сей сланец может иметь непосредственную пользу. Неоспоримо, что оный не может заменить недостаток и дороговизну дров в Симбирске, будучи для тяжелого своего запаха не пригоден на топленье; да и в кузницах употреблять его невозможно, потому что, горя только пламенем, железа разкалить не в силе; но польза его простираться может до совместного себе минерала. Я разумею колчедан, который исчезает втуне. Сколько мне известно у нас ни в каких рудокопных заводах сера не собирается, но довольствуемся серою из Сернаго городка, против Соковского устья на западном Волжском берегу построенного, и приуготовляемою из колчедана около Ярославля, а прочую получаем из чужих земель. Мне кажется, что нет никакой невозможности вместо привозимой серы добывать оную из колчедана, которого бесконечное множество по Волжским берегам и в окольных местах находится, и мы можем добывать оную не употребляя на то редкого, по истинне, на Волге дровяного лесу: но на сие пригоден будет сланец, который и чрез многия лета оскудеть не может. Ежели кто серу почтет за мелочь, то колчедан даст много купоросу, да еще и по сие время у нас необысканных квасцов, а на выварку того и другого горючей сланец будет пригоден ²⁰.

Отголоски другого спора, также связанного с находками на территории Симбирской провинции, мы находим в оценках происхождения останков костей мамонта на Бирюче. Паллас считал, что главной причиной этого может быть изменение климата за долгое время: «сии останки с большой вероятности можно производить от древних и важных стремительных перемен земного шара» ²¹. А вот что, безусловно, имея в виду гипотезу Палласа, но не называя его прямо, пишет Лепехин:

О таких чужестранных покойниках разные различно думают. Иные с большею заглумностию, где ныне господствует мраз, там за многие веки определили место зною. Другие всемирной потоп причиною тому почитают. Но есть и также, которые подобныя сим находки игрушками роскошествующей природы называют. Изчислять все их доказательства как не нужно, так и скучно бы было. Сего с меня довольно, когда я скажу, что в нашем случае нет нужды так далеко забираться. В прошлом 1767 году, при копании колодца близ Бирюча, в полуторасаженной глубине найдены были груды человеческих костей без всяких домовищ; да и самый Бирюч не редко такая вымывает кости. Попадаютсся случайно между костными и обломки железных копиецов, и прочаго ратного снаряда, что все несумненным служит доказательством о

²⁰ Лепехин. Дневные записки путешествия... С. 314–317.

²¹ Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809. Ч. 1. С. 212.

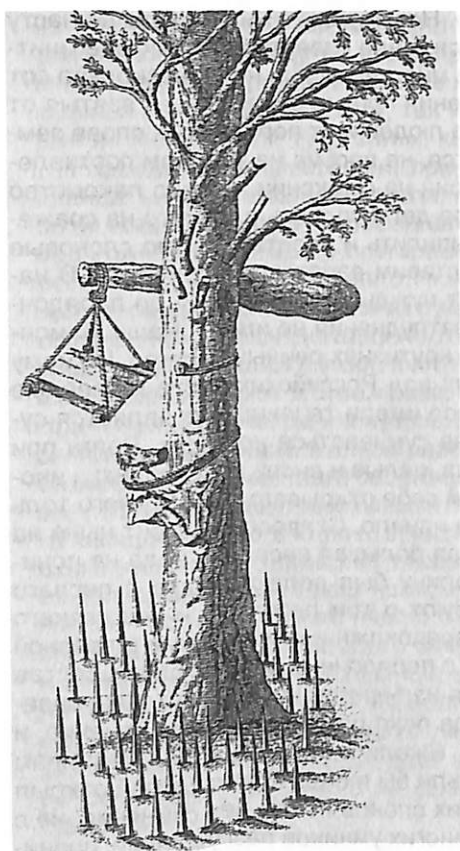
бывшем некогда на сих местах сражении. Но что азиатские народы по часту на сражение вываживали слонов, кажется, дело известное. И так мне мнится, что сии иностранные покойники не за многия тысячи но за несколько сот лет близ Волги были погребены. Возражения против сей истинны, взятые от ценности слоновых клыков, от лакомства людей и от порядочных слоев земли, под которыми они погребены находятся, не весьма на твердом поставлены основании. Сколь ни лаком был бы воин на сражении, однако лакомство страх или радость преодолеть могут. Иное дело содрать с убитого на сражении неприятеля военной снаряд, иное выпилить и возить с собою слоновые клыки, а особливо естьли мы себе представим азиатския ополчения. В нашем случае много говорить о глубине нет нужды. Что касается до порядочных слоев земли, и сие также большого затруднения не имеет. Наша Мамонтова кость и в самой Сибири находится в крутизнах речных берегов. Но кому неизвестно, что стремнина безпримерных вод Российских часто и твердые подмывает берега; и где прежде реки свое имели течение, тут является суша. Кто бывал на Волге, тот о сей истине сомневаться не будет. Волга при людской памяти целые поглощает острова, целые и вновь производит; а иногда, оставив свое прежнее течение, новой себе открывает путь, от чего толь многая волошки или старицы имеют свое начало. Ставрополь стоит ныне на нарочито высоком месте, котораго и самая большая весенняя вода не понимает; а что Ставропольский округ в старину был волжское дно с первого взгляду угадать нетрудно. Свидетельствуют о том песчаные и без всякаго порядка взрытые бугры, изобилующие черепокожными живущими в пресной воде. Положив сие, не неудобно понять и о порядочных земных слоях, состав слоновых костей покрывающих. Вымытыя из берегов кости могут паки завалены быть новыми земными слоями, когда река переменяет свое течение, и слои осядут по правилам жидковесным... Ежели бы судьба определила нам прожить по крайней мере столетие, и естьли бы в оное время случай открыл погребенныя в самом Петербурге издохших слонов кости, без сомнения, не с малым бы нашим удивлением услышали многих умников разсуждения, проникающая в самую глубочайшую древность земнаго шара ²².

Несмотря на различие во взглядах и спорах, тем не менее оба исследователя смогли сохранить нормальные деловые отношения. Об этом, в частности, может свидетельствовать запись Палласа о встрече спустя два месяца после расставания в Симбирске: «16 мая 1769 г. В Новодевичье приехал я в щастливый день потому, что чрез час прибыл туда г-н профессор Фальк и г-н доктор Лепехин, с коими я объездил еще часть страны» ²³.

Надо отметить, что лепехинское описание путешествия заметно выделяется из всех остальных описаний академических путешествий 1768–1774 гг. Прежде всего читателя поражают сочность и красочность языка исследователя, сюда необходимо добавить и дотошную точность его наблюдений. Почти все, что попадает в поле зрения Лепехина, так или иначе характеризующее особенности местности, не ускользает от его внимания, будут ли это явление природы или характеристика нравов и привычек местного населения. Другие исследователи (Паллас и Фальк) не воспринимали некоторых тонкостей, возможно, из-за незнания языка, а может быть, потому, что это не входило в прямые обязанности естествоиспытателя. Так, например, живописно Лепехин описывает башкирские приемы ловли медведей:

²² Лепехин. Дневные записки путешествия... С. 302–304.

²³ Паллас. Путешествие по разным провинциям... С. 274.

Башкирский бортный улей с ловушкой для медведя. Рис. И. И. Лепехина

8 числа г. Статский Советник приготовил нам любопытное зрелище. Призвав одного башкирца, приказал ему показать способ, как они лазят в свои борты и сохраняют соты от лакомых до меду медведей: ибо башкирцы, живучи в лесистых местах, делают свои ульи на высоких соснах, и только временной имеют присмотр, то есть с весны и с осени. Лазят они на дерево, имея из тонких ремней сплетенной шириною в три пальца и нарочито упругой канат, кирям. В дереве делают небольшие зарубки, киртык, так, чтобы ножные пальцы могли в оныя вместились. Когда хотят лезть на дерево, тогда оное, обняв кирямом, скрепляют концы в петлю, и положит его чрез левое плечо и поясицу, упираются ногами в дерево и вешаются на канате навзничь. Потому руками, взбрасывая канат кверху и лежа на оном, удобно могут лезть кверху и вниз спускаться. Для предостережения меду от медведей нарочито смешные выдуманы способы. Над закрышкою улья прикрепляют веревку, на которую навешивают чурбан, талык, так, чтобы он висел по самому тому месту, где медведю к улью лезть надобно. Чурбаны, препятствуя в предприятии медведю, досаждают ему; почему он, стараясь его отвести с дороги, толкает в сторону. Чурбан, приведенный в движение, бьет медведя или в бок, или в голову; от чего медведь разсердясь, сильнее бьет лапою в чурбан и, далее его отталкивая, сильнейший полу-

чает удар. Сие позорище продолжает он до тех пор, пока или выбившись из силы, или от сильного чурбанного удара низвергается. Другой способ состоит в следующем. На сук дерева, которого вершину можно довести до отверстия улья, привязывают на веревках четверугольную зыбку (люльку) и, приведши с нею сук к затворке улья, прикрепляют оной тоненькою веревкою. Медведь, лезя на дерево, неотменно принужден бывает садиться на люльку, чтобы добраться до улья: но как в сем случае веревочка, которою сук прикреплен с люлькою, совершить его намерение препятствует, то он перерывает оную. Сук, освобожденный от притягающей силы, сродною себе упругостию разпространяется и люльку с медведем от дерева относит. И так медведь принужден бывает на ней качаться до тех пор, пока хозяин улья не придет и не убьет его: ибо взобраться на дерево разстояние, а на землю скочить отчасти высота и отчасти острые вколоченные около дерева колья воспрепятствуют²⁴.

Для современного жителя особенно ценно то, что ученые оставили после себя первое научное описание флоры и фауны Симбирского Поволжья, мно-

²⁴ Лепехин. Дневные записки путешествия... С. 207–209.

гие из представителей которых либо совсем исчезли на этой территории, либо находятся на грани вымирания. К таким представителям животного мира можно отнести выхухоль²⁵, в изобилии населявшей пойменные озера, о которой Лепехин писал в 1768 г. так:

Других водяных зверей как то бобров около Симбирска ныне совсем не слышно; Но вместо того почти все озера наполнены выхухолями. Выхухоль голову имеет в разсуждении тела не велику, рыло высунувшееся упругое, нижнюю губу короткую, пасть небольшую, глаза едва приметные, ушки малые, покрытыя густыми и мягкими волосами; прочая шерсть у него на бобра схожа, но только не так остиста. Сторона глаз и отверстие ушей, так как и вся исподняя часть животного, покрыта из бела сероватою шерстью. Хвост длинной, сначала круглой, тонок, шерстист; но тотчас разпространяется в большую шишку, содержащую в себе сплетенные пузырьки, наполненные вязкою желтоватою материею [...] Содержащееся вязкое вещество в пузырьках хвостовой шишки такой имеет крепкой запах, что надобно иметь особенную привычку, чтобы его сносить. Мне кажется, что он гораздо превышает бобровую струю. По крайней мере для меня запах сей также столь был головоломен, что я пяти минут выхухоля в руках держать не мог без головной закружки. Хотя шубка на выхухоле и остиста; однако для тяжелого запаха (ибо и от нее несколько пахнет,) ни на что не употребляется, кроме опушки на тулупы. Хвост его держат в платяных сундуках, для защищения платья от моли; но сей дух проникает и в самое платье²⁶.

Сюда же можно отнести описания рыб, которые в настоящее время в этом регионе стали редкостью: белуга, осетр, стерлядь, севрюга, костера и др.²⁷. С большим интересом читается сегодня и описание тех приспособлений, какими местные рыбаки вылавливали волжскую рыбу²⁸, описание технологии (почти утраченной сегодня²⁹) производства рыбьего клея, а также многих иных особенностей народного быта.

²⁵ См. статью об истории и современном состоянии популяции выхухоли в Ульяновской области: *Бородина О. Е. Выхухоль // Ульяновская – Симбирская энциклопедия. Ульяновск, 2000. Т. 1. С. 118–119.*

²⁶ *Лепехин. Дневные записки путешествия... С. 292–293.*

²⁷ Там же. С. 270–285.

²⁸ Там же. С. 264–270.

²⁹ «О приуготовлении сего клею, так как и о материи онаго, иностранные писатели различно пишут. Иные говорят, что клей вываривают из белужеих переев, хвоста кожи и потроха. Клей делается из воздушных пузырей стерляди, осетра, белуги, севрюги и сазана; да притом и простым образом. Сперва проявив несколько пузырь, кладут в чистое полотно и трут его до тех пор, пока от него верхняя плена отстанет, и тонкия жилочки выгнутся и отделяются от своей влажности. Выбрав жилки и стянув пленку, получают самой чистой клей. Стерляжий клей почитается за самой чистой, его скатывают катышком, и катышек стискивают в лепешечку. Из малой стерляди кружок клею выходит величиною в копейку, а из большой в грош. Лепешечки летним временем сушат на солнце, а зимою в избах в умеренной теплоте. К стерляжьему клею добротойю подходит севрюжий клей, которого приготовление от стерляжьего ни в чем не разнится, кроме того, что севрюжий клей не в лепешечку стискивается, но свертывается скобкою. Среднее место для клею остается осетровому, предпоследнее белужеему, а самое нижнее сазаньему пузырю. С двух последних доброту увеличивают, прибавляя к ним часть или стерляжьего, или севрюжьего клею: но белужий клей по большей части оставляют без примеси и употребляют единственно для очищения вареных медов. Крепостью в клейке превосходит клей, состоящий из равных частей севрюжьего и стерляжьего клею. Кроме сих родов рыб, никакая больше

Следует отметить, что этнографические характеристики народов Поволжья, так подробно данные в работах Лепехина и Палласа, тесно переплетаются с описанием отношений местных жителей к окружающей природе. Это представляет особый интерес для проведения на основе этого материала исследований по социоэкологическому мониторингу данного региона.

Анализируя достижения академических экспедиций, необходимо помнить, что без помощи местного населения многих находок могло бы и не быть. В текстах ученых записок большое значение академики отводят Петру Ивановичу Рычкову, он помог составить план наиболее важных экскурсий по местности, а его сын, Николай Петрович (1748–1784), неоднократно выполнял важные поручения Палласа³⁰ и в 1768 г. возглавил собственную экспедицию от Симбирска до реки Ика³¹. Но, кроме того, есть еще несколько имен добровольных помощников. В тексте записок Лепехина мы находим упоминание о помещике села Нагаткино капитане-поручике Плещееве, предоставившем коллекцию древних костей, обнаруженных им на Бирюче, о помещике села Суровчиха капитане Суровцеве, который «сообщил мне изогнутую кость [...] то был затверделый буйволов рог, из чего заключать можно, что в прежние времена буйволы или сами около Волги водились добровольно, или держали их у себя кочующие народы»³², а также о простых людях, чем можно помогавших путешественникам. Так, во время поездки от Тетюшей до Ундор Лепехину со своими спутниками встретились местные рыбаки – вандовщики:

Вандовщиками называются стерляжи ловцы, которые имеют право ловить стерлядей чрез все то время, в которое вода прибывает в Волге, и когда стерлядям самый лучший бывает ход. Ванды делаются наподобие мереж из прутья, но только полы у них не так далекое имеют разстояние. Вандовщики отменную имеют в раздавании рыбы щедрость, происходящую от предубеждения. Всяк, кто заедет на ватагу вандовщиков, имеет право насыщать свой желудок стерлядями, как говорят, безданно безпошлинно: ибо брать за рыбу деньги, которую варят в их стану на пищу, не только за непристойное почитают, но и за ущерб в их ловле. И мы, когда принуждали их взять деньги за рыбу, довольно получили поклонов, чтобы избавить их от денег, и чрез то не развратить их улов³³.

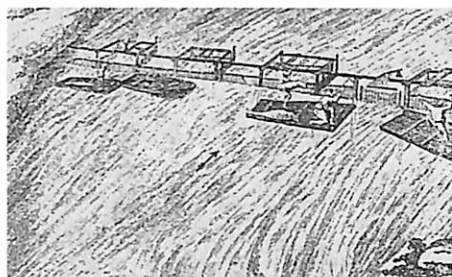
по Волге рыба на клей не употребляется; да из оных в одном Симбирском уезде ежегодно отпускают до двух сот пудов клею. В гуртовой продаже клей бывает по 60, а во время лову по 40 и по 30 копеек фунт». (Там же. С. 266–267.)

³⁰ «...Движимый любовью к зоологии, коей, из-за отсутствия егеря, мне в это лето не удалось уделить сколько-нибудь серьезного внимания, я послал сейчас из Спасского в расположенный неподалеку от него город Оренбург приданного моей экспедиции капитана фон Рычкова. В соответствии с данной ему инструкцией, присовокупляемой к настоящему рапорту в приложении под литерой "А" № 60, он должен добыть там как можно больше всевозможных редких зверей и птиц, частично для украшения Императорского Естественного-исторического кабинета, частично для моих описаний и анатомических штудий». (Паллас. Рапорт № 6 в Академию наук от 10 ноября 1768 г. // Научное наследие П. С. Палласа... С. 50.)

³¹ Рычков Н. П. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769–1770 году. СПб., Имп. АН, 1770–1772. См. также об этой экспедиции Рычкова: Гуркин В. А. Археологические исследования Среднего Поволжья в рамках экспедиций XVII–XVIII вв. // Материалы первой научной конференции, посвященной ученому и краеведу С. Л. Сытину. Ульяновск, 2004. С. 197–202.

³² Лепехин. Дневные записки путешествия... С. 320.

³³ Там же. С. 313.

Различные виды приспособлений для ловли осетровых рыб на Волге. Рис. И. И. Лепехина

Директор Петербургской академии наук граф В. Г. Орлов постоянно оказывал содействие ученым путешественникам, в частности, когда они прибыли к орловским имениям на Самарской Луке, он рекомендовал обоих ученых своему симбирскому приятелю помещику Афанасию Степановичу Мещеринову³⁴, а затем, получив от него ответ, пишет: «Фока здравствуй! Читав, как ты разъезжаешь с учеными, хотелось мне с вами тогда быть. Немогжи иметь сего удовольствия, жду с нетерпением от господина Палласа и желаю, чтоб господа Фальк и Лепехин примечания свои ко мне прислали. Я к ним для того не пишу, что не думаю, чтоб мое письмо их у тебя застать могло, а ежели они еще у тебя, то поклонись им от меня и скажи им, что я их всех в особливых письмах к ним за труды и старания в проезд через наши деревни благодарить буду...»³⁵.

В результате исследований, проведенных экспедициями Палласа и Лепехина (и при прямой поддержке графа В. Г. Орлова, который смог организовать публикации первых отчетов уже в 1771 г.³⁶), было введено в научный оборот огромное количество видов растений и животных, впервые выполнены геологические и палеонтологические изыскания, составлены этнографические очерки, значение их не только не утрачено сегодня, но и приобретает все более возрастающую ценность в связи с тем, что этот мир все более уходит в прошлое.

Это хорошо понимали уже спустя полвека после экспедиций, когда в 1818 г. по инициативе президента Российской академии С. С. Уварова было предпринято третье издание материалов ученых путешествий. Вот, в частности, что говорится в предисловии к этому изданию:

Успехи большей части наук в неразрывной находятся связи с успехами общих познаний о земном шаре, нами обитаемом. [...] Главной к тому способ подают путешествия ученых, одаренных основательностью ума и знаний, при-

³⁴ Известно, что коллежский ассессор А. С. Мещеринов был в 1784–1786 гг. предводителем губернского дворянства в Симбирске. Впервые Мещериновы упоминаются в симбирских документах в XVII в.

³⁵ Орлов-Давыдов В. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. СПб., 1878. Т. 1. С. 169–170.

³⁶ См.: Дневные записки путешествия Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб., 1771. Ч. 1; Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. SPb., 1771. Th. 1.

П. М. Языков

том пронцательных, решительных, деятельных... Такими, хотя не редко затруднительными способами достигли наконец до нынешних сведений о естественном состоянии земель, о произведениях, о промыслах, искусствах, фабриках, ремеслах, о торговых сношениях, и даже о языках, о нравах, обычае, образе жизни, о выгодах и недостатках каждого народа. [...] Основательные сведения о внутренности России всегда черпали из записок академиков; и в сем смысле труды их незабвенны; но во всех отношениях время течет для нас исполинскими шагами. С тех пор как академики путешествовали, многие предметы взяли другой вид. Сии изменения нужно доводить до сведения Академии, дабы она могла с точностью решить, что было и чего не стало, что созрело и развилось – и что исчезло не-возвратно.

Мудрое правительство призывает всех к лучшему познанию Отечества во всех его естественных выгодах и недостатках [...] и налагает на каждого Гра-

жданина обязанность, обращать внимание на самого себя и на окружающие его предметы и давать в них отчет себе и Отечеству ³⁷.

Итак, «мудрое правительство» призвало граждан, взяв в пример академиков, «обращать внимание на самого себя и на окружающие предметы». Но это фактически призыв к тому, к чему сегодня призывают краеведы. Для исследователей-краеведов, живущих в регионе, наиболее важными являются события, связывающие этот регион, эту точку на земном шаре, со всем миром. Краеведение позволяет оценить человеку и себя, и свой край в свете совсем иных ценностей, расширяя и преодолевая границы обыденных представлений. Подобное сравнение и осуществляли впервые в своих исследованиях Паллас и Лепехин для нашей территории. Именно благодаря тому, что эти факты в скором времени стали доступны не только для научного сообщества, но и для любого заинтересованного читателя, стала возможна в последующем организация исследований на местах. В Симбирской губернии успешно продолжил исследования академических экспедиций Петр Михайлович Языков (1798–1851). Языков при этом успел создать в 1838 г. Губернский музей натуральной истории, а также собрать и открыть (вместе со своим братом Александром) первую публичную Симбирскую (Карамзинскую) библиотеку, которая полтора века успешно продолжает дело научного познания и просвещения края, столь ярко и плодотворно начатого российскими исследователями Палласом и Лепехиным.

³⁷ Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1818. Т. 1. С. XX–XXI.

Приложение

Отдел рукописей РГБ. Ф. 219. К. 53. Ед. хр. 62. Л. 26–27.

Письмо П. С. Палласа графу В. Г. Орлову из Симбирска ³⁸

Ваше Сиятельство!

Год, в который мы вступаем, вновь дает мне возможность от всего сердца выразить Вам свою признательность и сердечно пожелать Вам и вашей замечательной семье благоденствия. Пусть Бог поможет Вам во всех Ваших начинаниях, особенно в тех, которые Ваше сиятельство предпринимает во имя процветания Отечества, Науки и Академии.

Я должен воспользоваться той возможностью, чтобы поблагодарить Вас за Ваши благосклонность и снисходительность, которые Вы соблаговолили засвидетельствовать по отношению ко мне до настоящего времени. Мысль о Вашей протекции придает мне силы, которые поддерживают меня в моем унынии в отсутствии друга. Удаленность от моей родины, молчание со стороны Академии погружают меня в отчаяние. Я не знаю на самом деле, какую ошибку я совершил, заслужив забвение со стороны Академии, ибо не получил никакого ответа ни на один из шести моих рапортов, отправленные начиная с июля месяца, причем некоторые из них требуют ответа незамедлительного и положительного. Мне представляется, что это молчание вызвано Вашим отсутствием в Академии. Я умоляю, Ваше Сиятельство, довести до сведения Академии мои рапорты и распорядиться, чтобы мне ответили на пункты, которые требуют срочного рассмотрения, т.к. это молчание меня обескураживает и приводит в уныние.

С тех пор, как я открыл в Симбирске месторождение каменного угля, его глубину невозможно исследовать из-за зимних холодов. Месторождение находится в 20 лье от Симбирска, на берегу Волги, в довольно вытянутом холме, на котором расположена деревня Городище. Большие куски этого угля, которые река доносит до подножия Симбирской горы, способствовали этому открытию, о чем я уже сообщал в Академию в начале этого месяца и отправил образец. Несмотря на то, что этот уголь хуже качеством, чем шотландский или английский, тем не менее, он хорошо горит, а, кроме того, его расположение облегчает транспортировку, что, на мой взгляд, немаловажно. По некоторым признакам это месторождение простирается на большом расстоянии вдоль Волги (правда, с некоторыми перерывами), я думаю даже, что уголь можно будет найти у подножия Симбирской горы в северной части города. Я порадовался этому открытию, ввиду того, что оно было моим первым открытием, что оно полезно и оттого, что я сгорал от желания стать полезным для России...

Господин Генерал-губернатор Казани оказал мне честь отправить в Кабинет Академии совершенно черного кролика, животное очень редкое, которое было поймано живьем в 100 лье от северной части Казани. Оно могло бы стать достойным экземпляром императорского зверинца, но риск путешествия и особенно жестокость, от которой животное пострадало

³⁸ Сердечно благодарю С. Л. Зеркалову за перевод письма с французского. Следует также отметить, что до 1780 г. название г. Симбирска писалось через «н» – Синбирск; в переводе, как и в остальном тексте, используется современное написание.

ло при поимке, страшат меня потерять это чудо, отправляя его живьем в Петербург.

Я только что получил благодаря милости господина ассессора Мещеринова образец минеральной воды с серным запахом, которую я нашел на землях Вашего Сиятельства возле Усолья, которая могла бы стать весьма полезной при лечении многих болезней. Я смогу рассказать о свойствах воды позднее, когда я проведу анализ на месте.

Большое событие, связанное с прививкой (от оспы. – В. Г.) Наследника и Ее Императорского Величества ³⁹, должно заинтересовать и заслужить благодарность и поздравления России со стороны всего благоразумного человечества. Это было одним из замечательных проявлений величия души и человеколюбия.

Примите выражение моего глубокого почтения.

Симбирск 28 декабря 1768. Ваш покорнейший слуга, П. С. Паллас

³⁹ [Речь идет о том, что 12 октября 1768 г. Екатерине II была сделана прививка от оспы, чем она дала пример и для ее приближенных. Так было положено начало вакцинации в России от страшной болезни. Тогда метод вакцинации был не столь совершенен, чем впоследствии (в 1796 г.) предложенный английским врачом Эдвардом Дженнером.]

Социальная история отечественной науки и техники

Г. И. СМАГИНА

ПЕРВЫЕ ОРДЕНА ПЕТЕРБУРГСКИХ АКАДЕМИКОВ *

Орден как почетная государственная награда за особые заслуги перед Отечеством был введен Петром I. Царь-реформатор стремился создать действенное средство поощрения к государственной службе. Он понимал, – и это было записано в статуте ордена св. Андрея Первозванного, – что «ничто так не поощряет и не воспламеняет человеческого любочестия, как явные знаки и видимое за благодетель воздаяние»¹.

В 1698 г. был учрежден первый российский орден – орден св. апостола Андрея Первозванного. Первое награждение состоялось 10 марта 1699 г., первым кавалером ордена стал ближайший сподвижник Петра, дипломат и государственный деятель, генерал-адмирал и фельдмаршал Федор Алексеевич Головин (1650–1706). В 1714 г. появился высший «женский» орден – орден св. Екатерины. В 1724 г. при перенесении мощей князя Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург Петр предложил учредить орден в честь князя Александра Невского, победителя шведов, но смерть помешала ему это сделать. Екатерина I исполнила его волю, и в 1725 г. появился орден св. Александра Невского. В 1735 г. был введен орден св. Анны, учрежденный отцом будущего императора Петра III герцогом К. Ф. Шлезвиг-Гольштейнским в память своей супруги Анны Петровны, дочери Петра I. Две государственные награды были учреждены Екатериной II: 25 ноября 1769 г. – орден св. Георгия за воинские заслуги, и 22 сентября 1782 г., в день 20-летнего юбилея восшествия ее на российский престол, – орден св. Владимира для награждения заслуг гражданских². Таким образом, в XVIII в. Российское государство имело возможность награждать своих граждан шестью орденами.

Поощрение того или другого человека орденом или каким-то иным знаком отличия свидетельствует о признании государством его особых заслуг перед Отечеством на военном или гражданском поприще, в общественной или благотворительной деятельности. Любопытно посмотреть, как государство оценивало научную деятельность, когда и за что деятели науки получали признание и удостоивались высших знаков отличия. Награждение ученых ордена-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 05-03-03017а.

¹ Цит. по: *Бантыш-Каменский Д. Н.* Историческое собрание списков кавалеров четырех российских орденов. М., 1814. С. 10.

² См.: *Винклер П.* Очерки истории орденов и знаков отличия в России от Петра до наших дней. СПб., 1889; *Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статутков.* СПб., 1891; *Карнович Е. П.* Служебные, должностные и сословные знаки отличия в России // *Исторический вестник.* 1885. № 11. С. 235–257; № 12. С. 563–587; *Кузнецов А. А.* Ордена и медали России. М., 1985.